

Научная статья
УДК 1:316+13+330
DOI: 10.15372/PHE20250205
EDN: QSETYE

Фундаментальное образование: индивидуальное и социальное измерения

Глазунов Николай Геннадьевич

Федеральное бюро медико-социальной экспертизы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Москва, Россия, nickglazunov@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0005-3968-9161>

Аннотация. *Введение.* Система образования существует в двух основных измерениях: индивидуальном и социальном. Первое измерение нацелено на реализацию субъективных способностей, второе рассматривает человека преимущественно как трудовую единицу. Статья посвящена анализу диалектической взаимосвязи функционирования системы образования во взаимосвязи с отечественной экономикой и вопросами повышения эффективности данного взаимодействия. *Методология.* Используется сравнительно-исторический анализ, учитывающий функционирование советской системы образования в соотношении с мировыми доминантами развития образования и экономики. *Обсуждение.* Развитие российской экономики требует ее диверсификации. Современная экономическая система не может быть конкурентоспособна, если в ней доминирует не производство готовой продукции, а сырьевая составляющая. Это вопрос не только экономической эффективности, но и национального суверенитета. Попытка перенять какие-либо технологические образцы у других стран и выстроить модель национальной экономики по соответствующим алгоритмам с неизбежностью приводит на путь догоняющей модернизации, которая, несмотря на многочисленные попытки рубежа XX–XXI вв., фактически никогда не достигала поставленных целей. Более перспективным представляется путь развития креативной экономики, базирующейся на преобладании инновационных, творческих идей, которые получили свое коммерческое оформление. Именно сферу креативной экономики представляют в настоящее время все ведущие компании мирового уровня. Развитию креативной экономики могла бы способствовать система образования, базирующаяся не на принципах узкой специализации, а, наоборот, на широких, фундаментальных знаниях, которые позволяли бы субъекту как оперативно реагировать на рыночную конъюнктуру, так и удовлетворять индивидуальные потребности. *Заключение.* Перспективы российской диверсифицированной экономики четко увязаны с состоянием и стратегическим вектором развития отечественного образования. Развитие креативной экономики является возможностью избежать «догоняющей модернизации» и сформировать социально-экономическую сферу, отвечающую требованиям современности.

Ключевые слова: система образования, специализация, креативная экономика, реиндустриализация, технологический уклад, догоняющая модернизация, индивидуальное и социальное измерения

Для цитирования: Глазунов Н. Г. Фундаментальное образование: индивидуальное и социальное измерения // Философия образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 68–79. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250205>

Scientific article

Fundamental education: individual and social dimensions

Nikolai G. Glazunov

The Federal Bureau of Medical and Social Expertise of the Ministry of Labor and Social Protection, Moscow, Russia, nickglazunov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3968-9161>

Abstract. *Introduction.* There are two basic dimensions in which any education system is found: individual and social. The former one is aimed at realizing a person's subjective abilities and interests, as well as their professional preferences. The latter considers a person primarily as a labor unit. The article focuses on analysis of the dialectical relationship between education systems functioning, the development of modern domestic economy and ways to increase effectiveness of this interaction. *The methodology* was based on a comparative historical method that takes into account functioning of the Soviet Education System, as well as the world's dominant educational and economic development. The methods of analogy and interpretation allowed us to put forward a hypothesis about the mechanism of mutual influence of the education system and the strategic vector of national economy development. *Discussion.* The Russian economy diversification is the only key to its development. The modern economic system cannot be competitive while the raw materials production prevails over production of final products. This is not only a matter of economic efficiency, but also of national sovereignty. An attempt to adopt any technological patterns from other countries and build a model of a national economy according to appropriate algorithms inevitably leads to the path of catch-up modernization, which, despite numerous attempts in the XX–XXI centuries, in fact, never achieved its goals. A more promising path is development of a creative economy, which is based on the predominance of innovative, creative ideas that have received their commercial formalization. It is the sphere of creative economy that is currently represented by all the leading world-class companies. The creative economy development could be facilitated by an education system based not on the principles of narrow specialization, but on the contrary, on broad, fundamental knowledge that would allow a subject to promptly respond to market conditions and to meet individual needs. *Conclusion.* The prospects of the Russian diversified economy are quite clearly linked to the state and strategic vector of the Russian education development. The creative economy development is an opportunity to avoid “catch-up modernization” and form a socio-economic sphere that meets the modern society requirements.

Keywords: education system, specialization, creative economy, reindustrialization, technological structure, catch-up modernization, individual and social dimensions

For citation: Glazunov N. G. Fundamental education: individual and social dimensions. *Philosophy of Education*. 2025. vol. 25, no. 2, pp. 68–79. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250205>

Введение. Два основных измерения системы образования: индивидуальное и социальное, нацелены в первом случае на развитие субъективных способностей, интересов и профессиональных предпочтений, во втором рассматривают человека преимущественно как трудовую единицу, призванную вносить свой вклад в экономическое развитие страны. Диалектической взаимосвязи этих двух измерений посвящена настоящая статья, ибо различные аспекты модернизации, в первую очередь, экономической, последние годы являются самыми обсуждаемыми не только в средствах массовой информации, но и в научных кругах. Потребность определиться с дальнейшей стратегией экономического развития была актуальна безотносительно к вопросу санкций, наложенных на Россию в последние годы рядом стран. Однако в свете санкционной политики стран Запада проблемы и перспективы дальнейшего экономического развития страны становятся особенно актуальными. Тесная взаимосвязь проблемы развития современной отечественной экономики и функционирования системы образования рассматривается предметно.

Методология. Рассмотрение проблемы взаимосвязи стратегических направлений развития российской экономики и имеющейся системы образования опирается на сравнительно-исторический метод, базирующийся на данных о советской системе образования, ее связи с производством, а также на информации о современных доминантах в области образования и передовых отраслях экономики в России и в мире. Также учитывалась роль интерпретации идей и ценностей, принятых в российском обществе, и влияющих на построение моделей, обеспечивающих взаимодействие системы образования и собственно экономической сферы в социальном пространстве. Обращение к методу аналогий позволило выдвинуть гипотезу о механизме взаимодействия и взаимовлияния системы образования и стратегического вектора развития как мировой, так и отечественной экономики.

Обсуждение. За последнее десятилетие России пережила несколько последовательно сменявшихся моделей экономических взаимоотношений со своими партнерами, особенно западными. Первая модель была связана с импортозамещением. Данная тема рассматривалась и в узкотехнологических аспектах (обеспечение продовольственной безопасности и т. п.), и в более широком контексте идей реиндустриализации как приоритета, который призван обеспечить *структурные* изменения в российской экономике, что позволило бы ее диверсифицировать и сделать менее зависимой от мировой конъюнктуры на рынке углеводородного сырья.

В этой связи представляется чрезвычайно показательной научная полемика, инициированная публикациями С. Д. Бодрунова [1–3], А. В. Бузгалина, А. И. Колганова [4], В. В. Букреева, Э. Н. Рудыка [5], О. В. Сюнтюренко [6] и др. Многочисленные отклики, появившиеся в печати в ответ на данные пу-

бликации, свидетельствуют о том, что авторы статей затронули чрезвычайно важный аспект экономических проблем, имеющих в стране, что не помешало участникам дискуссии порой серьезно расходиться как в понимании экономических проблем, так и в путях их решения [3; 7; 8].

Остановимся более подробно на феномене реиндустриализации. Начнем с констатации социологического факта: *реиндустриализация* – это путь такого хорошо изученного социально-экономического феномена, как «догоняющая модернизация». Следовать данным путем, ориентируясь на экономические страны – лидеры современного мира, за последние несколько столетий пытались многие страны. В подавляющем большинстве случаев их ждала неудача: ни Россия, ни Бразилия, ни Китай, ни Турция «западными» странами не стали, но и сам Запад за то время, пока его «догоняли», также не стоял на месте. В результате получался «бег на месте», а достигнутые результаты девальвировались либо радикальными успехами западных стран в технологической сфере, либо чрезмерной социально-экономической ценой, которую вынуждены были платить страны, пытавшиеся «догнать» страны Европы и США. Если какие-либо достижения и наблюдались, то, как правило, тогда, когда странам удавалось выработать национальную модель социально-экономической модернизации, опирающуюся на *собственные* культурные константы (Китай, Южная Корея, Сингапур и т. д.). В этой связи один из крупнейших мировых авторитетов в области менеджмента, П. Друкер, констатировал: «...менеджмент нельзя отделять от культуры общества (выделено П. Друкером. – Н. Г.) [9]. Менеджеры в Германии, Великобритании, Соединенных Штатах Америки, Японии или в Бразилии занимаются, вообще говоря, одним и тем же. Но способ выполнения ими этих общих задач имеет свои особенности в каждом отдельном случае. Таким образом, одна из важнейших проблем, с которыми сталкиваются в любой развивающейся стране, заключается в том, чтобы выявить элементы собственной традиции, истории и культуры, которые можно использовать в менеджменте (см: [10]). Разница между японским «экономическим чудом» и нынешней относительной слабостью экономики Индии объясняется тем обстоятельством, что японским менеджерам удалось привить «импортные» концепции менеджмента на свою культурную почву и добиться того, чтобы эти концепции дали богатый урожай» [9, с. 29].

Если воспользоваться известной теорией технологических укладов, реиндустриализация – это, строго говоря, путь преимущественно в *четвертый* технологический уклад, который уже в 1970-е гг. стал утрачивать доминирование в наиболее технологически и экономически развитых странах, уступая место пятому техноукладу, ядро которого – компьютерные и интернет-технологии во всем их многообразии. Более того, мы можем констатировать наличие элементов шестого техноуклада. Ведущий

отечественный специалист по теории техноукладов С. Ю. Глазьев характеризовал представленность элементов шестого уклада в современной экономике следующим образом: «Составляющий его ядро комплекс тех же информационно-коммуникационных, нано-, биоинженерных и аддитивных технологий растет с темпом около 30 % в год, а его отдельные элементы расширяются с темпом от 20 до 70 % в год»¹. По состоянию на 2023 г. безусловными лидерами по представленности в национальных экономиках элементов шестого техноуклада являются Китай (28,9 %) и США (17,2 %). В Великобритании, Индии, Германии, Франции, Италии, Японии, России данный показатель варьируется в пределах 1,6–5,1 %². Очевидно, что столь скромные результаты еще не могут являться значимым фактором экономического развития.

Если речь идет о классической индустриализации, то это третий и четвертый техноуклады, доминировавшие в мировой экономике ориентировочно в 1870–1970-х гг. Таким образом, реиндустриализация, даже в модифицированном под нужды XXI в. виде, *по определению* не может не ориентироваться на третий и четвертый техноуклады. Следовательно, говоря о реиндустриализации, мы подвергаем себя риску развития по догоняющей модели модернизации, которая еще ни в одной стране не способствовала значимому экономическому прорыву [11]. Более того, ситуация не существенно изменится, если Россия будет ориентироваться на структуру пятого техноуклада. Очевидно, что пока мы (со стартовых 2 %) добьемся доминирования в нашей экономике пятого техноуклада, наиболее развитые страны уже очевидно перестроят свою экономику под требования шестого технологического уклада (а возможно, уже будут стоять на пороге седьмого техноуклада, становление которого в прогнозах относят на середину XXI в.). Следовательно, мы вновь окажемся заложниками догоняющей модернизации.

Пожалуй, не требуются даже экономико-статистические выкладки, чтобы констатировать очевидный факт: реиндустриализация, даже принеся ряд положительных социально-экономических моментов (снижение безработицы, увеличение собираемости налогов, пополнение бюджетов всех уровней, большие возможности для государства финансировать социально значимые программы и т. д.) *не даст* в перспективе никаких преимуществ и страна будет вынуждена перманентно решать один и тот же комплекс социально-экономических проблем, которые будут лишь видоизменяться.

¹ Глазьев С. Ю. Великая цифровая экономика: вызовы и перспективы для экономики XXI века. URL: http://zavtra.ru/blogs/velikaya_tcifrovaya_ekonomik (дата обращения: 04.03.2025).

² Мартынов А. Инновации будущего: прогноз развития технологий на 100 лет. URL: <https://hightech.fm/2025/03/12/hundred-years-of-technology> (дата обращения: 13.03.2025).

Представляется более перспективным подойти к данному вопросу с другой стороны. Какие *глобальные* проблемы стоят перед российской экономикой? Во-первых, как добиться диверсификации экономики и избавиться от зависимости от мировой конъюнктуры на углеводородное сырье? Во-вторых, как преодолеть технологическое отставание преимущественно от стран Запада? В-третьих, как решить две первые проблемы, не ввязываясь в бесперспективную гонку догоняющей модернизации?

Принципиально важным является ориентация не на конкретные продукты и технологии, которые мы должны воспроизвести (создать/купить). Более перспективна ориентация на развитие *креатосферы*, «...где главную (не обязательно количественно доминирующую, но определяющую лицо и миссию этой сферы) роль играет творческая деятельность; это большая часть образования (включая воспитание), здравоохранения, культуры...» [4, с. 90]. Данную позицию можно рассматривать в качестве постулата, практическая реализация которого позволит смоделировать варианты решения имеющихся социально-экономических вопросов, *минуя* путь догоняющей модернизации

Каким образом? Государство и общество должно поддерживать и стимулировать *любые* виды творчества. У истоков специальных исследований, посвященных роли творчества в экономическом развитии общества, становлению креативного класса и его роли в современном социуме, стоял американский исследователь Р. Флорида [12]. Его работы существенно повлияли на понимание истоков и доминирующих векторов социально-экономического развития современного мира последних десятилетий.

История предпринимательских проектов XIX–XXI вв. знает массу примеров, когда революционные продукты и компании – лидеры экономического развития, производившие переворот в мировой экономике, рождались как результат творчества активных и нестандартно мыслящих людей.

В этой связи М. Делл, основатель одной из крупнейших американских корпораций «Dell Inc.», констатировал: «Моя компания – это наглядное доказательство того, что можно увидеть и извлечь прибыль из таких возможностей, которые ваши конкуренты просто отказываются видеть, считая их неосуществимыми. Чтобы думать не так, как все, совсем не обязательно быть гением, провидцем или даже дипломированным специалистом»³. Схожая ситуация с появлением другого флагмана современного рынка технологий – корпорации Apple, – которая ведет свое происхождение от страстной увлеченности С. Джобса и С. Возняка компьютерными технологиями, положившей начало одной из самых мощных легенд современного мирового бизнеса.

³ Как успех пришел к Майклу Деллу. URL: <https://iscons.ru/kak-uspeh-prishel-k-majklu-dellu/> (дата обращения: 02.03.2025).

Конечно, творческие проекты неизбежно пройдут верификацию практикой, пригодностью для массового производства, критериями новизны и т. п. и какая-то часть из них (возможно, что и большая) не пройдет данную верификацию. С функцией «селекции» проектов на их жизнеспособность как раз вполне удачно может справиться рынок посредством механизма спроса и предложения. Принципиально важно, чтобы была предоставлена подобная возможность. В этой связи государство должно очерчивать своеобразную систему «декартовых координат», установив общие «правила игры» и разбюрократив процесс регистрации бизнеса, управления им, составления отчетности и т. п.

Исходя из данного тезиса в современной науке активно изучается феномен «креативной экономики», которая рассматривается не как феномен психологический или физиологический, а как явление экономического и социального ряда. В отечественной науке проблемы креативной экономики получили всестороннее освещение в работе А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «Глобальный капитал» [13]. Развитие креативной экономики должно неизбежно привести к становлению новых моделей социальных отношений, способных породить «новое качество общественной жизни, которое связано с возрастанием роли творческой деятельности и даже с перспективой ее доминирования» [14, с. 61].

Будущее креатосферы, если мы говорим об ее экономическом измерении, напрямую зависит от уровня образования действующих субъектов. В этом заключается наш центральный тезис: будущее креатосферы, равно как и будущее российской диверсифицированной экономики, напрямую зависит от системы образования.

Общеизвестно, что еще с эпохи горбачевской перестройки отечественная система образования живет в состоянии перманентного реформирования. Пожалуй, даже простой подсчет количества проектов по реформированию системы российского образования практически невозможен. Мы не ставим своей целью сводить «дебет» и «кредит» этих реформ, методично подсчитывая имевшиеся удачи и провалы, а остановимся только на одном аспекте, а именно: образовании как потенциале развития экономики.

Советская школа (средняя и высшая) была удобной мишенью для критики и ее слабые стороны уже многократно анализировались. Вместе с тем в критике советской школы в свое время была пройдена граница разумного и «вместе с водой выплеснули ребенка».

К очевидным достижениям советской школы можно отнести следующее: она *массово* давала достаточно высокий уровень *базового* образования, опираясь на который вузы могли успешно готовить кадры высокой квалификации. Аспект массовости имеет здесь *принципиальное* значение, ибо серьезная школьная подготовка позволяла вузам задавать высокий уровень выпускников, «надстраивая» знания вузовского уровня на солид-

ном школьном фундаменте. Выпускники вузов, включаясь в производство, стали интеллектуальным базисом советского технологического прорыва 1950–1960-х гг. Создание ядерного и термоядерного оружия, развитие реактивной техники, успешные запуски в космос первого искусственного спутника Земли, а позднее и человека, не могли быть результатом лишь политики тоталитарного принуждения или деятельности созвездия гениальных теоретиков и конструкторов: С. П. Королева, И. В. Курчатова, А. Д. Сахарова, Ю. Б. Харитона, М. В. Келдыша и проч. Этот технологический прорыв, самый мощный в истории Советского Союза, стал возможен именно благодаря реально существовавшей возможности массово привлекать соответствующих специалистов к значимым проектам. Известно, например, что в создании первой советской атомной бомбы суммарно участвовало около полумиллиона человек. Массовое привлечение высококлассных специалистов различного, преимущественно инженерно-технического, профиля было бы невозможно без мощной исходной базы – школьной подготовки.

Одной из важнейших проблем современного отечественного образования, которая непосредственно влияет на эффективность российской экономики, – это существующий разрыв между школой и высшим учебным заведением. Для нужд экономики у нас отсутствует «полный цикл» в подготовке профессионалов соответствующего уровня.

До введения уровневого образования, при обучении по программам специалитета занятия велись на протяжении 9–10 семестров. В настоящее время из 8 семестров бакалавриата последний семестр занят написанием выпускной квалификационной работы. Представителями высшей школы неоднократно констатировалось, что в силу бесконечных манипуляций со школьной программой резко упал уровень подготовки выпускников школ и что вузы вынуждены первые 2–3 семестра «доделывают» работу за школу, «дотягивая» студентов до уровня, необходимого для обучения в вузе. Другими словами, тот исходный уровень подготовки студентов, который вуз тридцать лет назад получал из школы, теперь приобретает уже в вузе. Следовательно, на подготовку профессионала с высшим образованием фактически остается 3, в лучшем случае 4 семестра. Совершенно очевидно, что этого абсолютно недостаточно для формирования настоящего профессионала.

Если вышеперечисленные факторы могут быть достаточно оперативно скорректированы, то значительно труднее компенсировать ориентацию на предметную «специализированность» знаний.

Остановимся на общеизвестном факте – «Серебряном веке» русской культуры конца XIX – начала XX в. Появление подлинного созвездия оригинальных творцов в философии, литературе, истории, живописи, музыке, правоведении, инженерном деле и т. д. стало следствием беспримерного по глубине гимназического образования. Именно широчайшая база

исходных знаний позволяла молодому человеку, вступая во взрослую жизнь, выбрать ту сферу личностной реализации, к которой он имел наибольшие способности и склонности [15, с. 209–212]. Образовательная модель, способствовавшая становлению «Серебряного века», представляется нам заслуживающей самого пристального изучения и практического внедрения в современную российскую систему образования (речь, разумеется, идет не о механическом копировании, а о творческом переосмыслении наиболее перспективных элементов былой образовательной модели).

Помимо вышесказанного, для нужд развития креативной экономики, помимо фундаментальности, необходим еще один образовательный элемент – сформированный навык творческого мышления, который в школах и вузах должен быть предметом сознательного, целенаправленного формирования. Только двуединство фундаментального образования и навык самостоятельного творческого мышления могут принести осязаемый, в том числе экономический, результат. Развитие творческих способностей в учебных планах предполагает предусмотрение достаточно простора для *реальной* самостоятельной работы, которая будет посильна обучающимся с учетом их возрастных и физиологических возможностей (очевидно, что всевозможные «исследовательские проекты», которые школьники выполняют уже с младших классов, формированию самостоятельного, творческого мышления никак не способствуют).

Основная модель современного образования в идеале выстраивается в принципиально ином ключе. Не узкая специализация нужна современному специалисту, а широкое фундаментальное образование и сформированный навык самостоятельного творческого мышления. Позднее, исходя из широко поставленной предварительной подготовки, у человека всегда есть возможность сконцентрировать свое внимание на какой-либо конкретной специализации. Более того, в течение своей профессиональной деятельности современный человек, исходя из личных интересов или из потребностей экономической конъюнктуры, сможет овладеть далеко не одной узкой квалификацией. Другое дело, что изначально имеющуюся узкую специализацию в дальнейшем будет практически невозможно преодолеть.

Не нужно забывать и о том, что в силу возраста школьник может не разобраться в своих истинных предпочтениях, приняв временное увлечение за дело всей жизни, но, зажатый в тиски «предпрофиля», а затем «профиля», он имеет немного шансов вырваться из этих тисков. Еще сложнее обстоит дело со сформированностью или несформированностью навыков самостоятельного творческого мышления, которые выкристаллизовываются далеко не одномоментно и требуют для своего формирования значительного времени [16; 17]. В результате общество получает не только человека с несложившейся профессиональной судьбой, но и неэффективную трудовую единицу. Помимо этого, в экономическом плане ориентация

на узкую специализацию препятствует социальной мобильности, делает рынок труда неэластичным и создает парадоксальную ситуацию катастрофической нехватки специалистов нужной квалификации, при переизбытке рабочих рук на рынке труда [18; 19].

Заключение. Перспективы российской диверсифицированной экономики, ориентированной на производство конечного продукта, а не на сырьевую составляющую, достаточно четко увязаны с состоянием и стратегическим вектором развития отечественного образования. Экономические «драйверы» мировой экономики, непосредственно связанные с современными высокими технологиями, недвусмысленно указывают, что сфера креативной экономики – это с наибольшей вероятностью не только наиболее перспективное направление развития экономики, но и способ избежать тупикового пути «догоняющей модернизации». Фундаментальное образование, ориентированное на формирование у обучающихся широчайшей палитры знаний, навыков творческого мышления, являясь доминирующей моделью образования (но не исключая и другие модели), в наибольшей степени необходимо как для потребностей современной социально-экономической сферы, так и удовлетворения индивидуальных потребностей личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бодрунов С. Д.** К вопросу о реиндустриализации российской экономики в условиях ВТО // Экономическое возрождение России. 2012. № 3 (33). С. 47–52. EDN: PYTWZT
2. **Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е.** Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35). С. 19–49. EDN: QBQYTD
3. **Бодрунов С. Д.** Реиндустриализация. Круглый стол в Вольном экономическом обществе России // Мир новой экономики. 2014. № 1. С. 11–26. EDN: SALIZH
4. **Бузгалин А. В., Колганов А. И.** Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 80–94. EDN: RXTMQR
5. **Букреев В. В., Рудык Э. Н.** Реиндустриализация на основе социализации собственности – императив возрождения российской экономики // Альтернативы. 2016. № 2. С. 169–184. EDN: YXPGBV
6. **Сюнтюренко О. В.** Реиндустриализация российской экономики: информационные задачи и ресурсы // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2023. № 7. С. 1–10. DOI: 10.36535/0548-0019-2023-07-1; EDN: GAOEHF
7. **Кульков В. М.** Постиндустриализация или новая индустриализация? // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 56–59. EDN: TAJXYJ
8. **Андреещев Р. Ю., Зенкина Е. В.** Постиндустриализация: роль знаний в новой экономике // Известия МГТУ МАМИ. 2015. Т. 5, № 1 (23). С. 5–9. EDN: UKSLSR
9. **Друкер П. Ф.** Энциклопедия менеджмента: монография. М.: Вильямс, 2004. 421 с. EDN: QQFHWD
10. **Рогачев А. Ю.** Энциклопедия финансового риск-менеджмента // ЭКО. 2007. № 2 (392). С. 187–191. EDN: NYOCUR

11. Федотова В. Г. Конец догоняющей модели модернизации и поиски новых путей // Экономические стратегии. 2012. Т. 14, № 3 (101). С. 14–23. EDN: PELXVZ
12. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: монография. М.: Классика-XXI, 2011. 430 с. EDN: QONFRT
13. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал: в 2 т. М.: ЛЕНАНД, 2015. 640 с. EDN: VNILHT
14. Лемешонок О. Б. К вопросу о концепции креатосферы А. В. Бузгалина // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 61–63. EDN: UFHFKH
15. Джимбинов С. Б. Коэффициент искажения. Революция и культура // Новый мир. 1992. № 9. С. 207–221.
16. Шодиев М. С., Джартыбаева Ж. Д. Формирование и проблемы творческого мышления учащихся как одна из приоритетных задач современного образования // Вестник Таджикского национального университета. 2013. № 3-6. С. 263–265. EDN: YRRAZV
17. Иванова С. В. Формирование творческого мышления школьников как государственная и научно-педагогическая задача // Ценности и смыслы. 2012. № 3 (19). С. 4–9. EDN: PBTGFN
18. Кылгыдай А. к. Ч. Рынок труда: изменения в сфере труда, вызовы современности // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 1. С. 63–66. DOI: 10.14258/epb202208; EDN: ZNNGAY
19. Дадашев А. Региональный рынок труда в России: формирование и эффективность управления // Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 63–76. EDN: PZXCHR

REFERENCES

1. Bodrunov S. D. On the issue of reindustrialization of the Russian economy in the context of the WTO. *The Economic Revival of Russia*, 2012, no. 3 (33), pp. 47–52. EDN: PYTWZT (In Russian)
2. Bodrunov S. D., Grinberg R. S., Sorokin D. E. Reindustrialization of the Russian economy: imperatives, potential, risks. *The Economic Revival of Russia*, 2013, no. 1 (35), pp. 19–49. EDN: QBQYTD (In Russian)
3. Bodrunov S. D. Reindustrialization. Round table at the Free Economic Society of Russia. *The World of the New Economy*, 2014, no. 1, pp. 11–26. EDN: SALIZH (In Russian)
4. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Reindustrialization as nostalgia? Theoretical discourse. *Sociological Research*, 2014, no. 1, pp. 80–94. EDN: RXTMQR (In Russian)
5. Bukreev V. V., Rudyk E. N. Reindustrialization based on the socialization of property – the imperative of the revival of the Russian economy. *Alternatives*, 2016, no. 2, pp. 169–184. EDN: YXPGBV (In Russian)
6. Shuntiyurenko O. V. Reindustrialization of the Russian economy: information tasks and resources. *Scientific and Technical Information. Series 1: Organization and Methodology of Information Work*, 2023, no. 7, pp. 1–10. DOI: 10.36535/0548-0019-2023-07-1; EDN: GAOEHF (In Russian)
7. Kulkov V. M. Postindustrialization or new industrialization? *Problems of the Modern Economy*, 2014, no. 3 (51), pp. 56–59. EDN: TAJXYJ (In Russian)
8. Andreeshev R. Yu., Zenkina E. V. Postindustrialization: the role of knowledge in the new economy. *Bulletin of MGTU MAMI*, 2015, vol. 5, no. 1 (23). pp. 5–9. EDN: UKSLSR
9. Drucker P. F. *Encyclopedia of management*: a monograph. Moscow: Williams Publ., 2004, 421 p. EDN: QQFHWD (In Russian)
10. Rogachev A. Y. Encyclopedia of financial risk management. *ECO*, 2007. no. 2 (392), pp. 187–191. EDN: HYOCUR (In Russian)
11. Fedotova V. G. The end of the catch-up model of modernization and the search for new ways. *Economic Strategies*, 2012, no. 3 (101), pp. 14–23. EDN: PELXVZ (In Russian)
12. Florida R. *The creative class: people who change the future*: a monograph. Moscow: Classics-XXI Publ., 2011, 430 p. EDN: QONFRT (In Russian)

13. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. *Global capital*. In 2 vol. Moscow: LENAND Publ., 2015, 640 p. EDN: VNILHT (In Russian)
14. Lemeshonok O. B. On the concept of the creatosphere by A. V. Buzgalin. *Problems of the Modern Economy*, 2015, no. 2 (54), pp. 61–63. EDN: UFHFKH (In Russian)
15. Jimbinov S. B. Distortion coefficient. Revolution and culture. *New World*, 1992, no. 9. pp. 207–221. (In Russian)
16. Shodiev M. S., Dzhartybayeva Zh. D. Formation and problems of students' creative thinking as one of the priorities of modern education. *Bulletin of the Tajik National University*, 2013, no. 3-6, pp. 263–265. EDN: YRRAZV (In Russian)
17. Ivanova S. V. Formation of creative thinking of schoolchildren as a state and scientific-pedagogical task. *Values and Meanings*, 2012, no. 3 (19), pp. 4–9. EDN: PBTGFN (In Russian)
18. Klygydai A. K. Ch. Labor market: changes in the world of work, modern challenges. *Economy. Profession. Business*, 2022, no. 1, pp. 63–66. DOI: 10.14258/epb202208; EDN: ZNNGAY (In Russian)
19. Dadashev A. Regional labor market in Russia: formation and effectiveness of management. *Economic Issues*, 1995, no. 5, pp. 63–76. EDN: PZXCHR (In Russian)

Информация об авторе

Н. Г. Глазунов, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник, Федеральное бюро медико-социальной экспертизы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (127486, Москва, ул. Ивана Сусанина, 3).

Information about the author

Nikolai G. Glazunov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Researcher of the Federal Bureau of Medical and Social Expertise of the Ministry of Labor and Social Protection (127486, Moscow, Ivan Susanin str., 3).

Поступила: 18.03.2025

Received: March 18, 2025

Одобрена после рецензирования: 16.04.2025

Approved after review: April 16, 2025

Принята к публикации: 12.05.2025

Accepted for publication: May 12, 2025